Всеволод Овчинников

道

Странника размышления

Всеволод Овчинников
Размышления странника (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986556
Всеволод Овчинников. Размышления странника: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-40463-4

Аннотация

Книга "Размышления странника" – это сборник рассказов автора о разных странах: Китае, Японии и других, которые в течение пяти лет выходили под рубрикой "Час с Овчинниковым" в "Российской Неделе". Увлекательные повествования о нелегкой, но счастливой судьбе нашего журналиста-международника.

Отношение к своему делу, как к призванию, осознание своей ответственности перед читателями, помогло автору показать зарубежные страны без предвзятости и идеологических шор.

По мнению автора "набирающий силу процесс глобализации обостряет проблему сохранения национальной самобытности, при котором культура каждого народа сохраняет собственное неповторимое звучание, словно музыкальный инструмент в гармонично слаженном оркестре".

Иллюстрацией этой мысли автора может служить содержание данного сборника.

Содержание

От автора 5
Тянуть планку вверх 7
«Китайская грамота» – ключ к успеху 11
Кокон компетентности 15
Знать больше других 18
Семь лет в Пекине 50-х 21
Рукопожатие Мао Цзэдуна 22
Роковое купание лидеров 24
«Подмосковные вечера» как гимн дружбы 27
От третьего поколения к пятому 31
Пусть станет меньше бедных 35
Время обнимать 37
Двенадцать зодиакальных животных 37
Сосна, бамбук и слива 42
Транспортный аврал 47
Тещина бутыль 49
Оптимальное сочетание возрастов 51
Пьер Карден в сельском сарае 53
Лицом к селу 57
Проблемы роста 61
Как китаист стал японистом 63
Не языковой барьер, а языковой мост 64
Две большие разницы 67

Не рисом единым 70
Проблема продовольственной безопасности 70
Занятие дедушек и бабушек 72
Государственная поддержка земледельцев 75
«Мастерская мира» станет «мировой лабораторией» 78
Поднебесная уже была авангардом прогресса 81
Пиратство – это бумеранг 84
Вузовская наука в Чжунгуаньцуне 86
ЖКХ – генератор роста 88
«Азиатский Гибралтар» стал страной новоселов 90
Ключ в XXI век 93
Дисциплина «просвещенного авторитаризма» 96
Царство долгожителей 99
Вторая жизнь 100
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Всеволод Овчинников Размышления странника (сборник)

От автора

В 2011 году у меня двойной юбилей. Автору этих строк исполняется 85 лет, а 60 лет – работе в журналистике. В сентябре 1951 года меня, 25-летнего лейтенанта, выпускника китайского отделения Военного института иностранных языков, зачислили в штат газеты «Правда» с перспективой работы в Пекине.

В 50-х годах я семь лет представлял «Правду» в Китае, в 60-х – семь лет в Японии, в 70-х – пять лет в Англии. А с 1994 года тружусь в «Российской газете».

К моему предыдущему юбилею, в 2001 году, «Российская газета» подарила мне право каждую неделю публиковать колонку под рубрикой «Путешествие». А пять лет спустя, когда уже появились 260 таких колонок, я получил другую рубрику: «Час с Овчинниковым». Теперь для нее каждые три недели отводится целая страница в «Российской неделе», которая к тому же выходит огромным тиражом.

Поскольку эта рубрика в новом формате регулярно появ-

ляется в свет уже пятый год, возникла идея[1] издать опубликованные материалы в виде сборника, подобно тому, как рубрика «Путешествие» стала основой для книги «Калейдоскоп жизни».

Так что мне выпало счастье предложить читателю свою уже двадцать первую книгу. Безмерно благодарен «Российской газете», продлившей мою творческую жизнь.

[1] Первое издание книги «Размышления странника» вышло в издательстве «Российская газета» в 2011 году.

Тянуть планку вверх

Оглядываясь назад, думаю, что мне выпала нелегкая, но счастливая судьба. Слова Евгения Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт» мы, советские журналисты-международники, экстраполировали применительно к нашей профессии. Мы относились к ней не как к ремеслу, а как к служению. То есть всегда сознавали свою ответственность перед обществом, считали своим профессиональным долгом помочь соотечественникам смотреть на окружающий мир без предвзятости, без идеологических шор.

Ради этого мы, полтора десятка ведущих журналистов-международников, бились головами о тесные своды ниши дозволенного. Но люди ценили нашу искренность и целеустремленность. Во время поездок по стране мы повсюду собирали самые большие залы.

Мое творческое кредо – вооружить людей правильной методикой восприятия зарубежной действительности. Суть ее такова: нельзя мерить другие народы на свой аршин. Ведь наши стереотипы поведения, системы ценностей отнюдь не универсальны, как и грамматические формы нашего родного языка. Чтобы понять зарубежную страну, надо изучить «грамматику жизни» ее народа. Именно особенности национального менталитета дают ключ к подлинному пониманию зарубежных реалий.

Эту свою стезю в журналистике я нашел не сразу. После семилетнего срока работы в Китае и половины семилетнего срока в Японии, после того как выпустил по три книги о каждой из этих стран, возникло чувство неудовлетворенности от традиционного журналистского жанра. Захотелось написать не только о политических, экономических и социальных проблемах, но и о почве, в которой эти проблемы коренятся, об атмосфере, в которой они вызревают.

Когда трагическая размолвка между Москвой и Пекином заставила меня переквалифицироваться из китаиста в япониста, коренное различие в национальном менталитете этих двух дальневосточных народов натолкнуло меня на мысль сопоставить их «грамматику жизни». Так родилась идея создать как бы путеводитель по японской душе, каковым стала моя книга «Ветка сакуры», напечатанная в журнале «Новый мир» в 1970 году.

Сам ее замысел был новшеством для нашей тогдашней публицистики. Да и тот факт, что «Ветку сакуры» впервые опубликовал Твардовский, когда выход каждого номера его «Нового мира» становился событием в духовной жизни страны, несомненно, усилил вызванный ею резонанс. А самым дорогим откликом стали для меня слова Константина Симонова: «…для нашего общества эта книга такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы».

За тридцать с лишним лет «Ветка сакуры» переиздавалась более тридцати раз (в том числе четыре раза в Токио). Япон-

цы включили ее в антологию «Три лучшие книги, написанные о нас иностранцами». Даже британцы, скептически относящиеся к попыткам иностранцев разобраться в их национальном характере, встретили английское издание «Корней дуба» весьма благосклонно. Джеймс Олдридж писал в «Санди таймс»: «Я часто забывал, что писал эту книгу не англичанин. Я вчитывался в нее, чтобы побольше узнать об обществе, в котором я живу».

Однако на Родине это лишь усилило критику автора со стороны идеологических ведомств. Дескать, за рубежом неслучайно ухватились за эти писания. Мол, присущая им идеализация капиталистической действительности, отсутствие классового подхода льют воду на мельницу наших противников. Лишь через пятнадцать лет после первой публикации «Ветка сакуры», а также «Корни дуба» и «Горячий пепел» были удостоены Государственной премии СССР.

Набирающий силу процесс глобализации обостряет проблему сохранения национальной самобытности. И здесь, по моему убеждению, человечество должно избрать не принцип унификации, поголовного навязывания всем неких универсальных, проще говоря – западных стандартов, а принцип симфонизма, при котором культура каждого народа сохраняет собственное неповторимое звучание, словно музыкальный инструмент в гармонично слаженном оркестре.

Я рад, что у россиян теперь больше возможностей воочию увидеть это «единство в многообразии», которое и составля-

ет главную красоту нашей планеты.

Это не означает, что задача журналиста-международника в наши дни упростилась. Сколько бы сегодняшние собственники СМИ ни твердили, что не вмешиваются в творческий процесс, они имеют даже более жесткие рычаги воздействия на авторов, чем когда-то секретари парткомов по пропаганде.

Вторая опасность – «цензура рейтинга». Чем больше читателей, зрителей, слушателей удалось привлечь, тем выше тарифы за рекламные вставки в данный материал. Стало быть, тем больше прибыли достается владельцам СМИ. А человеческая натура легче всего поддается низменным инстинктам. Поэтому насилие, секс, частная жизнь звезд шоубизнеса доминируют на телеэкранах и в бульварной прессе.

В этих условиях особенно важна, жизненно необходима просветительская, воспитательная роль серьезной, качественной журналистики. Именно она призвана воспитывать вкусы людей, расширять их кругозор, стимулировать интерес к познанию окружающего мира. То есть тянуть вверх планку духовных запросов.

«Китайская грамота» – ключ к успеху

Убежден, что ключом к успеху в журналистике в моем случае послужило знание восточных языков, философии и культуры, что стало основой моей профессиональной компетентности. Выучить китайский, а потом, когда мне было уже за тридцать, взяться за японский, было чертовски трудно. Зато в этих двух странах мне не только не мешал языковый барьер, но, что неизмеримо важнее, очень помогал языковый мост. Достаточно было прочесть иероглифическую надпись на картине или на вазе, процитировать, к месту или не к месту, древнего философа или поэта, чтобы разом расположить к себе собеседника, вызвать у него интерес и симпатию к «необычному иностранцу».

Ведь попасть в Китай – значит не просто оказаться в зарубежной стране. Это равносильно перемещению в иной мир, в царство загадочных знаков и неведомых символов. В Европе и Америке, даже не зная языка, всегда догадаешься, какая дверь общественного туалета предназначена для мужчин, какая – для женщин. Как же быть, если надпись сделана иероглифами?

В любой стране ключом к пониманию души народа может служить прикладное искусство. Но в Поднебесной перед иностранцем тут же возникает некий иероглифический барьер, система художественных образов, доступная лишь по-

священным.

Например, каждое из времен года китайцы привыкли связывать с определенным цветком. Пион символизирует весну, лотос – лето, хризантема – осень, слива – зиму. Причем каждый из этих цветков метафорически соответствует определенному периоду человеческой жизни, служит воплощением определенных образов.

Весенний пион – это символ любви, семейного счастья. Поэтому он обычно красуется на подарках для молодоженов. Лотос считается символом душевной чистоты, милосердия. Этот летний цветок воплощает слова Будды о том, что даже среди болотной грязи можно оставаться незапятнанно чистым. Осенняя хризантема, расцветающая вопреки инею, олицетворяет душевный покой и стойкость – качества, особенно ценимые на закате жизни. Наконец, слива, расцветающая в Новый год по лунному календарю, символизирует наиболее важную для китайцев черту их национального характера – жизнерадостность среди невзгод.

После вторжения японских войск в 1937 году китайские летчики рисовали цветы сливы на крыльях полученных из СССР истребителей. Это выражало ту же мысль, что у нас в 1941-м слова: «Будет и на нашей улице праздник!» Конечно, четыре перечисленных художественных образа – лишь первые строчки эстетического букваря. Но даже они помогут понять смысл многих произведений китайского прикладного искусства.

В первый год своей работы в Пекине я объяснял все это нашему дипломату и его супруге – пышной даме бальзаковского возраста. Мы сидели под платаном в уличной харчевне. А с ветвей свешивались бумажные ленты с надписями, восхвалявшими здешнюю лапшу.

– Как я завидую вам, Всеволод, что вы освоили эту китайскую грамоту, – кокетливо говорила мне дородная соотечественница. – Я порой глаз не могу оторвать от иероглифов. В каждом из них столько гармонии, столько эстетики. Кстати, попросите, пожалуйста, хозяина отрезать мне на память вот этот иероглиф. И пожалуй, еще вот этот…

Несколько удивленный, владелец харчевни выполнил просьбу иностранки. Та убрала куски бумажной ленты в сумочку. А потом отнесла их портному и попросила вышить иероглифы золотом на вечернем бархатном платье. В нем она и отправилась с мужем на прием по случаю национального праздника КНР. Премьер Чжоу Эньлай чуть не упал от изумления. Ведь на одной груди супруги дипломата было написано «Вкусно», а на другой – «Дешево».

Этот эпизод я рассказываю в назидание своим внукам, которые любят носить майки со всякими непонятными надписями. Каюсь, что недавно сам купил в Токио майку с объявлением «Секс-инструктор. Первый урок бесплатно». Надевал ее на черноморском пляже, но никакого отклика надпись не вызвала. Хотелось бы верить, что не из-за моего возраста, а просто из-за того, что у нас еще плохо знают восточные

ЯЗЫКИ.

Кокон компетентности

Знание языка особенно помогало мне в Китае 50-х годов. Возможность беседовать со мной один на один сразу придавала контактам с местными руководителями доверительный характер. Они относились ко мне не как к иностранцу, а как к своему. Я тоже держал себя как человек, допущенный к конфиденциальной информации.

Однажды, когда я был в отпуске, меня пригласил Андропов, курировавший социалистические страны как секретарь ЦК КПСС. Именно от меня он впервые услышал о намерении Мао Цзэдуна уйти с поста главы государства и остаться лишь руководителем партии.

Андропов тут же при мне позвонил и в соответствующий сектор ЦК, и в МИД, и в КГБ. Но у нас об этой новости еще никто не знал. А когда мои слова подтвердились, Юрий Владимирович предложил мне стать консультантом в его отделе. Это сулило много благ и привилегий. Еле упросил оставить меня в газете и порекомендовал ему более молодого китаиста, Виктора Шарапова, которого «Правда» готовила на смену мне в Пекине.

Когда Хрущев перессорился с Мао Цзэдуном и китайская тема утратила свою приоритетность, я решил переквалифицироваться в японисты. Используя свой авторитет востоковеда, убедил начальство, будто японский язык отличается от

китайского не больше, чем белорусский от русского. Иероглифы, мол, те же самые, и наши восточные соседи без труда понимают друг друга.

Мне наняли преподавателя, чтобы я дважды в неделю в рабочее время брал уроки японского языка. Меньше чем через два года после возвращения из Китая я был направлен на постоянную работу в Японию. И там устрашился собственной дерзости. Первый год стал самым трудным в моей жизни.

Ежедневно с семи до десяти утра я брал у японца уроки языка. Потом переводчик рассказывал мне о содержании газет, помогал смотреть полуденные выпуски новостей по телевидению. После этого садился писать очередной материал, ибо редакция ежедневно вызывала меня по телефону в три часа дня. Примерно через год пришло чувство удовлетворения, которое испытывает журналист, когда он может со знанием дела прокомментировать любое событие, происходящее в стране пребывания.

Куда труднее оказалось получить признание соотечественников. Дипломатов, чекистов, журналистов, которые работали в Токио, свербил вопрос: «Да что этот Овчинников может понимать в Японии? Он же китаист!»

Сломать отношение ко мне как к чужаку-дилетанту было самым трудным. Зато одержать здесь победу стало столь же радостным. Спустя пару лет моим мнением уже интересовались все. Китайский язык – это латынь Восточной Азии. Так

что мои знания древнекитайской философии и литературы позволяли мне блеснуть перед японцами там, где наши японисты мне порой уступали.

Я нашел собственный подход к освещению Страны восходящего солнца. Коренное различие в национальном менталитете китайцев и японцев натолкнуло меня на мысль сопоставить «грамматику жизни» этих двух дальневосточных народов, создать как бы путеводитель по японской душе, каковым стала «Ветка сакуры».

Знать больше других

Расскажу еще об одном откровении в моей жизни, связанном с таким понятием, как компетентность. В начале 70-х мне довелось посетить Иран и побывать в Ширазе – городе роз, соловьев и поэтов. Меня привели на могилу Хафиза. Возле нее всегда сидит седобородый старец с томиком стихов этого персидского поэта. Нужно положить книгу на надгробную плиту и раскрыть ее наугад, чтобы получить напутствие в жизни. Я проделал это с бьющимся сердцем. И вот что прочел мне ширазский прорицатель: «Воспевать красоту звездного неба вправе лишь поэт, хорошо изучивший законы астрономии».

Откровенно говоря, до меня не сразу дошел глубокий смысл напутствия. Выходит, одного литературного таланта, одной способности к образному мышлению недостаточно. Мало заставить читателя увидеть то, что видел, почувствовать то, что чувствовал автор. Чтобы писать о чем-либо, надо постичь подспудную суть событий, надо знать о предмете стократно больше, чем потенциальные читатели.

Лишь осознав это, я по-настоящему понял, почему моя компетентность стала тем коконом, который защищал меня от цензуры в советские времена. Как газетные, так и телевизионные начальники чувствовали, что я знаю о Китае и Японии гораздо больше их, и не решались делать мне замечания,

давать «ценные указания», дабы не попасть впросак.

Помню, самым ответственным выступлением считался двухминутный комментарий в программе «Время», которую смотрела вся страна. Полагалось приносить текст лично председателю Гостелерадио. Сергей Лапин обычно откладывал мои листки в сторону и говорил: «Тут мне тебя учить нечему. Расскажи-ка лучше, за какую тесемку надо потянуть у гейши, чтобы распахнуть у нее кимоно?» Я охотно делился опытом, и общение с начальством этим исчерпывалось. Напутствие Хафиза шло мне на пользу.

За тринадцать лет, пока я вел «Международную панораму», мои тексты читала только редактор программы Татьяна Миткова. Она должна была заранее знать, после каких моих слов какой сюжет включать. Кокон компетентности защищал меня и здесь.

Первым постсоветским изданием моих произведений стал сборник «Избранное», вышедший в 2001 году. Во время верстки мне позвонил редактор и спросил: «Вы десоветизировали ваши тексты?» «Что вы имеете в виду?» – удивился я. «Но мы же теперь смотрим на все по-иному. Внимательно перечитайте эти пять книг, и вам непременно захочется что-то изменить».

Я проштудировал с карандашом тысячу компьютерных страниц сборника, не сделав ни единой поправки. И тут меня охватила эйфория, за которую я был готов расцеловать бдительного редактора. Ведь именно благодаря ему я убедился,

что мне не стыдно ни за одну строчку, написанную в советские годы!

Благодарен судьбе, что именно мне выпала возможность первым из наших соотечественников возложить цветы к могиле Рихарда Зорге на токийском кладбище Тама. Изучая материалы, связанные с жизнью легендарного разведчика, я запомнил и сделал своим девизом его слова: «Чтобы узнать больше, нужно знать больше других. Нужно стать интересным для тех, кто тебя интересует». Практический опыт одиннадцати лет моей работы в Китае, семи лет в Японии и пяти лет в Англии подтверждает, что чем компетентнее становился я сам, тем чаще интересные люди тянулись ко мне и обогащали меня своими знаниями.

Еще раз подведу итог изложенному. Журналистика – это призвание, долг перед читателями, слушателями, зрителями. Это неустанное стремление тянуть вверх уровень духовных запросов людей, делать их зорче и мудрее, просвещеннее и добрее. Обогатить других может лишь тот, кто многое познал сам. Поэтому компетентность журналиста – залог его творческой независимости.

Семь лет в Пекине 50-х

В марте 1953 года я сошел с поезда Москва–Пекин, чтобы на семь предстоящих лет стать собственным корреспондентом «Правды» в КНР. В свои двадцать семь лет я был тогда самым молодым журналистом не только в «Правде», но и вообще в СССР, командированным на постоянную работу за рубеж. Причем решающую роль сыграло мое знание китайского языка.

Старое здание Пекинского вокзала находилось напротив южных городских ворот, за которыми расположены площадь Тяньаньмэнь и императорский дворец. Не меньше, чем древние постройки, меня удивили потоки велосипедистов и рикш при полном отсутствии других видов транспорта.

Корпункт «Правды» помещался возле главной торговой улицы Ванфуцзин, в переулке с поэтическим названием «Колодец сладкой воды». Это был типичный пекинский сыхэюань, то есть четыре одноэтажных флигеля, обрамляющих квадратный дворик. Красные переплеты окон, оклеенных бумагой, земляные полы, застланные циновками. «Буржуйки» – чтобы греть воду для ванны и отапливать помещение зимой. Даже в сравнении с московской коммуналкой бытовые условия, мягко говоря, не впечатляли.

Рукопожатие Мао Цзэдуна

В 50-х годах в Пекине были аккредитованы двенадцать иностранных послов и пятнадцать зарубежных журналистов. Поэтому нас наряду с дипломатами приглашали на все государственные банкеты. Мы сидели буквально в нескольких метрах от главного стола, где Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай чокались с Неру или Сукарно, с Ким Ир Сеном или Хо Ши Мином.

Премьер Чжоу Эньлай часто подходил к нашему столу и, зная, что я китаист, заговаривал со мной. К примеру, заметив мое пристрастие к акульим плавникам, советовал есть это блюдо, когда я буду в его возрасте. (Оказалось, что акульи плавники полезны для пожилых мужчин, ибо повышают мужскую потенцию.)

Именно Чжоу Эньлай дал мне китайское имя О Фучин (три выбранных им иероглифа буквально означают «министр европейского счастья»).

В 1956 году в Пекине открылся Восьмой съезд КПК. Прилетела советская делегация. И мне надо было ежедневно давать подробные отчеты о всех заседаниях. В завершающий день съезда в комнату иностранных журналистов неожиданно вошел Мао Цзэдун и спросил: «Кто тут из „Правды“?» Дрожащим голосом я назвал себя и удостоился личного рукопожатия великого кормчего: «Потрудился так потрудился!

Освещал съезд хорошо!»

После этих слов Председателя Мао моя жизнь круто изменилась. Вместо фанзы с земляными полами и дымными «буржуйками» корпункт переселили в современную квартиру с центральным отоплением. А при поездках по стране мне уже не требовалось согласовывать их с отделом печати МИДа КНР.

Председатель Мао запомнился мне необычайно высоким для китайца ростом и устремленным куда-то вдаль взглядом. Когда же меня познакомили с генеральным секретарем партии Дэн Сяопином, меня, напротив, поразил его малый рост. Ведь одно дело – когда видишь человека в президиуме, а другое дело – когда сталкиваешься с ним лицом к лицу. Партийная кличка генсека Сяопин, «маленькая бутылка», воспринималась в Китае как метафора. «Маленькая бутылка» – это пузырек самогона, который нельзя завалить набок, ибо он тут же вновь принимает вертикальное положение. Как Дэн Сяопин, которого трижды сбрасывали с вершины пирамиды власти, но он вновь на нее возвращался.

Роковое купание лидеров

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась после XX съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Хрущев был не вправе выступать с резкой критикой Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, «великий кормчий» прибег к авантюристической тактике «большого скачка». (Тогдашний лозунг: «Три года горького труда – десять тысяч лет счастья».) Крестьян в коммунах заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла.

Под лозунгом «Обгоним Англию!» стали варить сталь чуть ли не в каждом дворе. А я с китайскими коллегами неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить близ Пекина Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке, точнее – в «ревизионистской» политике Москвы. В Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Неру в свое время провозгласили пять принципов мирного сосуществования, сделали их политической платформой неприсо-

единившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева за его стремление снизить накал холодной войны, сделать мирное сосуществование стержнем внешней политики социалистических государств.

Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим накануне десятилетия КНР. В сентябре 1959 года Хрущев должен был совершить эпохальную поездку по Соединенным Штатам. А к 1 октября прямо оттуда прилететь на празднование в Пекин. Меня включили в рабочую группу по составлению его речи на юбилейной сессии Всекитайского собрания народных представителей.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Дабы оградить советского лидера от нежелательных расспросов, было опубликовано Заявление ТАСС. В нем выражались сожаление по поводу конфликта и надежда, что стороны решат спор за столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование в Пекине. Как, мол, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот в самый разгар пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Это поставило Хрущева перед нелегким выбором: либо скомкать свой американский визит, либо поручить выступить на юбилее КНР кому-то другому. Он предпочел второе.

Доклад, над которым мы трудились, зачитал Суслов. Хрущев же прилетел лишь 30 сентября. На другой день демонстранты все-таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, чтобы окунуться. Можно представить себе, как неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, способного легко пересечь километровую ширь Янцзы. Хрущев был настолько взбешен, что в тот же вечер объявил нам: он отменяет подготовленную нами недельную поездку по Китаю и намерен немедленно возвращаться на Родину.

Думаю, что причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к тридцатилетней конфронтации и даже боям на острове Даманский, были не только идеологические разногласия, но и личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с великим кормчим.

«Подмосковные вечера» как гимн дружбы

Начав журналистскую карьеру в 50-х годах в Пекине, я чувствовал себя баловнем судьбы. Первые десять лет существования КНР прошли под девизом «Русский с китайцем – братья навек!». Это была тогда не только строка из песни. Дружба великих соседних народов не сводилась к официальным заявлениям и газетным передовицам. Она реально вошла в десятки тысяч человеческих судеб. Мне тогда выпало счастье воочию видеть, как 156 новостроек первой китайской пятилетки с помощью советских специалистов заложили фундамент индустриализации Поднебесной, без чего был бы невозможен ее нынешний стремительный взлет к мировому лидерству.

Вслед за этим в истории КНР наступил противоположный этап: два десятилетия хаоса и смуты – волюнтаризм «большого скачка», казарменный быт народных коммун, самосуды хунвейбинов и даже бои на острове Даманский. К счастью, я не был свидетелем бесчинств «культурной революции». Зато оказался причастным к тому, как после смерти Мао Цзэдуна Москва и Пекин начали делать осторожные шаги навстречу друг другу.

В 1984 году в КНР были приглашены председатель Обще-

ства советско-китайской дружбы академик Тихвинский и я, как его тогдашний заместитель. После четвертьвекового отсутствия мы, два профессиональных китаеведа, ехали в Китай, где уже пять лет шли реформы, словно на другую планету.

Запомнилась встреча в одном из рабочих клубов Пекина. После наших речей зазвучала песня «Подмосковные вечера». Весь зал дружно встал и подхватил любимую мелодию. Люди пели со слезами на глазах, словно торжественный гимн, искренне радуясь тому, что трагическая размолвка между Пекином и Москвой наконец-то уходит в прошлое, что можно, как прежде, открыто выражать дружеские чувства к братскому соседнему народу.

Эта незабываемая минута вновь встала у меня перед глазами в дни первого официального визита в Москву Председателя КНР Цзян Цзэминя. Во время приема в посольстве КНР он неожиданно взял на себя роль запевалы, чем, возможно, удивил некоторых членов дипломатического корпуса. Глава зарубежного государства дирижировал хором гостей, с энтузиазмом исполнивших те же «Подмосковные вечера». Причем китайцы явно были при этом активнее россиян. Оба эти случая считаю наиболее яркими эпизодами моей шестидесятилетней журналистской биографии.

В 1990 году я стал первым иностранным журналистом, кому Цзян Цзэминь, только что занявший пост генерального секретаря ЦК КПК, дал эксклюзивное интервью. Дело бы-

ло всего через год после драматических событий на площади Тяньаньмэнь в мае – июне 1989 года. На тогдашнего генсека Компартии Чжао Цзыяна возложили вину за то, что студенческие манифестации в центре Пекина вышли из-под контроля. Старая гвардия в партийном руководстве требовала поставить во главе КПК китайского «Гришина» – первого секретаря Пекинского горкома Чэнь Ситуна, способного «закрутить гайки».

Вопреки их нажиму, патриарх реформ Дэн Сяопин добился, что главой партии и государства стал не противник, а сторонник начатых им перемен. Выбор пал на секретаря Шанхайского горкома Цзян Цзэминя. Тем более что в крупнейшем мегаполисе страны, которым он руководил, дело обошлось без студенческих волнений.

Так лидером самой населенной страны мира стал мой ровесник, с которым мы познакомились тридцатилетними еще в 1956 году. Китайцы отмечали тогда важную победу своей первой пятилетки – пуск первенца отечественного автомобилестроения. И я, будучи собственным корреспондентом «Правды» в КНР, разумеется, приехал в Чанчунь, чтобы рассказать об этом событии.

Попросил устроить мне встречи с заводчанами, которые стажировались в СССР. Среди них оказался и мой одногодок, тридцатилетний главный энергетик завода Цзян Цзэминь. Однако стержнем моего репортажа стал подробный рассказ о том, как сошел с конвейера первый в истории Ки-

тая грузовик. Так что в сюжете очерка для главного энергетика, с которым я беседовал больше часа, как-то не нашлось места.

Но ветераны Московского автозавода имени Лихачева хорошо помнят улыбчивого и общительного китайского стажера, который дирижировал хором своих соотечественников, исполнявших «Подмосковные вечера» в зиловском Дворце культуры, куда я, студентом, из года в года ходил на танцевальные вечера.

На заводской ТЭЦ доныне красуется мемориальная доска: «Здесь в 1955–1956 годах проходил стажировку инженер-энергетик Цзян Цзэминь, впоследствии Председатель КНР». Заводчане вспоминают, что Цзян Цзэминь любил блеснуть знанием русского языка, особенно выражений, которые можно почерпнуть только из жизни. Когда кто-нибудь из дирекции заходил на ТЭЦ и спрашивал: «Ну, как дела, товарищ Цзян?» – тот весело подмигивал и отвечал: «Дела идут, контора пишет!»

От третьего поколения к пятому

Цзян Цзэминя называют представителем третьего поколения партийно-государственного руководства КНР. Ушла из жизни когорта основателей (Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай). Ушли и их преемники-реформаторы во главе с Дэн Сяопином. Именно восьмидесятилетний патриарх китайских реформ положил конец пожизненному пребыванию на руководящих постах, ограничив его двумя пятилетними сроками. Следуя этому правилу, он не только передал кормило власти Цзян Цзэминю, но и наметил Ху Цзиньтао преемником своего преемника.

Так во главе третьего поколения китайских лидеров впервые оказался интеллектуал-технократ, способный мыслить последними достижениями науки и техники, правильно оценивать направленность глобальных процессов. Именно шанхайскому инженеру Цзян Цзэминю, когда-то написавшему диссертацию о тенденциях развития мировой энергетики, в первые годы реформ было поручено совершить кругосветное путешествие. Цель – ознакомиться с опытом свободных экономических зон (СЭЗ) в различных странах – от Шаннона в Ирландии до Джуронга в Сингапуре.

Сделанный им на Политбюро доклад стал основой для создания первых четырех СЭЗ, расположенных поблизости от Гонконга и Тайваня. Это помогло китайским реформаторам

избежать «прихватизации», привлечь в страну иностранный капитал (прежде всего зарубежных китайцев), что повысило общий технологический уровень производства.

Цзян Цзэминь, как и я, родился в 1926 году. Незадолго до провозглашения КНР окончил Шанхайский университет Цзяотун. Когда много лет спустя он вновь посетил свою альма-матер, студенты спросили его, как из обладателя диплома инженера-энергетика может вырасти государственный деятель?

В ответ Цзян Цзэминь вспомнил свою любимую книгу «Мои университеты» Горького. Он рассказал о своей поездке в Нижний Новгород, о посещении дома, где родился Алеша Пешков. Подчеркнул, что факультетов, которые готовили бы глав государств или великих писателей, не существует, таким университетом может быть только жизнь.

Именно об этом свидетельствует биография Цзэн Цзэминя. После нашей первой встречи в Чанчуне мой оставшийся за рамками очерка одногодок круто пошел вверх по служебной лестнице. Работал заместителем председателя Государственного комитета по внешней торговле и иностранным инвестициям, был министром электронной промышленности КНР.

В 1985 году Цзян Цзэминь стал мэром Шанхая, а два года спустя – первым секретарем Шанхайского горкома. На этом посту его и застали драматические события на площади Тяньаньмэнь. В разгар их Дэн Сяопин добился того, что-

бы именно Цзян Цзэминь был поставлен во главе партии и государства.

После знакомства со мной на пуске автозавода в Чанчуне в 1956 году и первого интервью иностранному журналисту в качестве генерального секретаря ЦК КПК в 1990 году мне выпала судьба в третий раз побеседовать с Цзян Цзэминем 14 июня 2001 года.

В этот день в Шанхае произошла встреча высших руководителей шести государств, прилегающих к бывшей советско-китайской границе – президентов России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Родившаяся там за пять лет до этого «шанхайская пятерка» превратилась в «шестерку», официально говоря, в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Разумеется, быть хозяином подобного саммита дело ответственное и хлопотное. Так что мы – восемнадцать журналистов из упомянутых стран, приглашенных Министерством иностранных дел КНР освещать это событие, – с пониманием восприняли огорчительную для нас новость: утром 14 июня Цзян Цзэминь сможет дать нам не обещанное интервью, а лишь протокольную аудиенцию.

Нас подняли до рассвета, и уже в 7 утра мы были в шанхайской загородной резиденции главы государства. Председатель КНР поблагодарил нас за приезд, пожелал успешной работы на саммите, сфотографировался с нами и откланялся. Но когда все выходили из приемной, Цзян Цзэминь

неожиданно взял меня за локоть и сказал по-русски: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! Ведь нам нынче исполнилось по семьдесят пять, а когда мы встретились впервые, было по тридцать. В мире не так уж много политиков и журналистов, которых связывает столь длительное знакомство. Так что обстоятельный разговор с глазу на глаз мы заслужили».

Во время нашей третьей встречи в день рождения ШОС Цзян Цзэминь беседовал наедине со мной тридцать семь минут – всего на три минуты меньше, чем с президентами среднеазиатских республик.

Пусть станет меньше бедных

Итак, мне удалось быть лично знакомым с тремя поколениями китайских руководителей. Первое из них олицетворял Мао Цзэдун, второе – Дэн Сяопин, третье – Цзян Цзэминь. И вот настало время, когда к власти пришло четвертое. В 2002 году генеральным секретарем ЦК КПК, а потом и Председателем КНР стал Ху Цзиньтао.

Основоположник политики реформ и открытости Дэн Сяопин и его преемник Цзян Цзэминь со своей шанхайской командой бросили народу клич: «Обогащайтесь!» и поощряли тех, кому удалось вырваться из бедности раньше других. Это вызвало расцвет приморских районов, прежде всего свободных экономических зон на юге и востоке. Однако глубинная часть страны – Центральный и Западный Китай, на долю которых приходится 89 процентов территории и 46 процентов населения, еще не избавились от бедности и отсталости.

В отличие от шанхайца Цзян Цзэминя и его окружения, Ху Цзиньтао и нынешний глава правительства Вэнь Цзябао оба начинали карьеру в бедных провинциях Дальнего Запада. Они по личному опыту знают трудности и надежды глубинки, самой жизнью подготовлены к тому, чтобы от призыва «Пусть в Китае будет больше богатых» перейти к решению следующей стратегической задачи: «Пусть в Китае ста-

нет меньше бедных!»

Новый курс означает смену не только целей, но и методов руководства. Вместо традиционной роли – инструмента ломки старого КПК намерена стать современной правящей партией, способной компетентно управлять государством, опираясь на законность, демократичность, научность. Поставлена цель: сделать Китай обществом гармонии и согласия, остановить процесс поляризации, сгладить противоречия материальных интересов приморья и глубинки, города и села.

Завершить решение этой задачи должен будет уже намеченный представитель пятого поколения китайских лидеров – нынешний заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин, сопровождавший Президента Медведева во время посещения им выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

Время обнимать

Двенадцать зодиакальных животных

С недавних пор у нас стали все больше говорить о двенадцати животных, образующих цикл принятого на Дальнем Востоке лунного календаря. Средства массовой информации всякий раз заполняются предсказаниями доморощенных астрологов, которые самым буквальным образом отождествляют черты наступившего года с его календарным животным. Или объясняют прожитую человеком жизнь, характеризуют его личность лишь на основе того, под каким знаком он родился.

Честно признаюсь, что именно я в канун 1963 года стал первым журналистом, который ввел у нас моду на двенадцать календарных животных. Напечатанный в «Правде» новогодний репортаж из Японии, где я рассказал, что наступает год Зайца, вызвал большой интерес к дальневосточному гороскопу. Помню, что мне было поручено сопровождать в поездке по стране очень большого начальника из ЦК КПСС. Знакомя гостя с местной мифологией, я рассказал о двенадцати животных, образующих календарный цикл.

Уточнил, что по здешним поверьям год рождения человека во многом предопределяет его достоинства и недостат-

ки, дает ключ к пониманию его характера. Пояснил, что я, к примеру, родился в год Тигра, когда на свет часто появляются творческие натуры. А вот моя жена родилась под знаком Дракона, символа властности. Из таких людей получаются хорошие управленцы.

– Как интересно! – воскликнул начальник. – Загляните, пожалуйста, в календарь: кто я и кто моя жена?

– Вы – Собака, а ваша супруга – Свинья, – с ходу прочитал я и тут же пожалел о сказанном, ибо эффект был сами понимаете какой.

А беда состояла в склонности механически отождествлять человека с его календарным животным, или считать, что данный год предвещает нечто одинаковое для всех. Тогда как в действительности он сулит каждому из двенадцати типажей нечто разное. И разобраться в этом могут только опытные прорицатели.

Так что не надо обвинять в свинстве человека, рожденного в год Свиньи. Или обезьянничать в год Обезьяны, петушиться в год Петуха. Или считать оскорбительным для женщины быть Змеей, которая, наоборот, воплощает женственность и мудрость. Словом, нельзя напрямую отождествлять человека с животным, под знаком которого он родился.

Повторяю, каждому знаку наступивший год сулит разное. Хотя есть и нечто общее. Люди, которым исполнится 12, 24, 36, 48 или 60 лет, то есть все, кто родился под данным знаком, станут в наступившем году источниками счастья и уда-

чи для родных и близких. Однако они будут более уязвимы, чем обычно. Им надо беречь себя, избегать резких перемен, не подставляться под удар, провести год «в глухой защите».

К сожалению, в дилетантских публикациях на данную тему на первый план всплыли совершенно неуместные вопросы: что следует и чего не следует надевать, что нужно и чего нельзя есть при встрече данного Нового года? Все, что у нас на сей счет пишется, – досужие домыслы. При этом выпал из поля зрения самый пикантный аспект дальневосточного гороскопа: его внимание к проблеме физиологической совместимости сексуальных партнеров.

Новогодние праздники по традиции считаются брачным сезоном и порой супружеской активности. О двенадцати календарных животных люди вспоминают прежде всего при выборе спутников жизни. Считается, что определенные сочетания знаков сулят лучшую или худшую физиологическую совместимость. Например, у женщины, рожденной в год Змеи, перечень подходящих партнеров наибольший, а у рожденной в год Лошади – наименьший. Так что сосватать первую легче, чем вторую.

Кроме двенадцати животных в лунном календаре фигурируют пять стихий: синяя вода, красный огонь, белый металл, зеленое дерево, желтая земля. Их парные сочетания образуют шестидесятилетний цикл, который называется «жизнь». Поэтому, когда человеку исполняется 61 год, родственники дарят ему игрушки, словно годовалому ребенку. Дескать, на-

чата вторая жизнь.

Попав после Китая в Японию, я думал, что более высокий уровень благосостояния и культуры по сравнению с Поднебесной не оставил в Стране восходящего солнца и следа от древних предрассудков. Помню, как в канун 1966 года меня с коллегами из Америки и Европы пригласили на телекомпанию Эн-Эйч-Кэй, чтобы поговорить в эфире о новогодних суевериях в наших странах.

Дело в том, что наступал год Лошади и Огня, самый неблагоприятный в дальневосточном гороскопе. Согласно древнему поверью, женщина, рожденная в этом году, склонна повелевать мужчиной (какой ужас!) и поэтому ее невозможно выдать замуж.

Поскольку супруги не знают, родится у них мальчик или девочка, многие предпочитают вообще не иметь детей в этом злополучном году.

Предыдущий год Лошади и Огня (1906) совпал с окончанием Русско-японской войны. Сотни тысяч японских солдат и офицеров вернулись к своим семьям после трехлетнего отсутствия. Однако вместо обычного в таких случаях «бэби-бума» произошло, как ни парадоксально, падение рождаемости.

Как японские, так и зарубежные участники телевизионной дискуссии в канун 1966 года иронизировали над этим суеверием и выражали уверенность, что современное поколение выкинуло его из головы. Каково же было наше удивле-

ние, когда оказалось, что Япония пережила в 1966 году даже более резкий спад рождаемости, чем в 1906-м.

Телепередача, которую смотрели миллионы жителей Страны восходящего солнца, имела обратный эффект. Родители хором оправдывались: мы-то, мол, не верим в предрассудки. Но вдруг родится девочка, а тот, за кого ее будут сватать, вспомнит про год Лошади и Огня. Так что уж лучше рожать ребенка год спустя.

Сосна, бамбук и слива

В новогоднюю полночь китайцы и японцы, затаив дыхание, прислушиваются к раскатистому гулу бронзовых храмовых колоколов. Они бьют сто восемь раз. Считается, что каждый удар изгоняет одну из ста восьми возможных бед, омрачавших человеческую жизнь, и напоминает о всех ста восьми добрых пожеланиях.

Ведь для дальневосточных народов Новый год не просто праздник из праздников, а как бы общий день рождения. До недавнего времени у них не было обычая отмечать дату своего появления на свет. Сто восьмой удар новогоднего колокола добавляет единицу сразу ко всем возрастам. Даже младенца, родившегося накануне, на утро считают годовалым.

В новогоднюю полночь человек становится на год старше и к тому же переступает некий порог, за которым его ждет совершенно новая судьба. Каким бы трудным ни был уходящий год, все начинается сызнова за этим порогом, все может пойти по-иному.

Праздник должен войти в каждый дом, как начало новой полосы в жизни. Поэтому входы жилищ по древней традиции украшают ветками сосны, бамбука и цветущей сливы. Вечнозеленая сосна на народном поэтическом языке олицетворяет пожелание долго жить и не стареть. Бамбук символизирует гибкость и стойкость. А слива, упрямо зацветаю-

щая в феврале, когда вокруг еще лежит снег, – жизнерадостность среди любых невзгод.

К этим общим для всех образам каждый вправе добавлять свои личные надежды. Поэтому, ложась спать в новогоднюю ночь, миллионы японцев и китайцев кладут под подушку лубочную картинку, на которой изображен сказочный корабль сокровищ, на котором путешествуют семь богов удачи. Тому, кто увидит их во сне, наступающий год сулит исполнение самых заветных желаний.

Человек непосвященный увидит на борту корабля сокровищ трех толстяков, двух старцев, воина и женщину. Однако каждый из семерых – популярный персонаж народного творчества и заслуживает того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Бога удачи Эбису сразу отличишь от других толстяков по удилищу в руке и окуню под мышкой. Иным и не может быть бог удачи в стране, где жители заядлые рыболовы. За помощью к Эбису обращаются те, кому помимо сноровки требуется еще и везение: мореходы, исследователи, спортсмены. Изображение толстяка с удочкой можно увидеть в мелких лавочках. Однако, наряду с удачей, Эбису олицетворяет еще и честность.

Может быть, поэтому среди крупных предпринимателей больше, чем Эбису, популярен Дайкоку – дородный деревенский бородач, восседающий на куле с рисом. Когда-то крестьяне почитали его как бога плодородия. Но с тех пор как

в руках у бородача оказался деревянный молоток, Дайкоку стал покровителем тех, кому требуется искусство выколачивать деньги – коммерсантов, биржевиков, банкиров. Словом, из бога плодородия превратился в бога наживы.

Третий толстяк – улыбчивый, круглолицый бог судьбы Хотей. Его приметы – бритая голова и круглый живот, выпирающий из монашеского одеяния. Нрава он беззаботного, даже непутевого, что при его служебном положении довольно рискованно. Ведь никто иной, как Хотей таскает за спиной мешок с людскими судьбами. И порой, будучи навеселе, дает человеку совсем не ту судьбу, какую тот заслуживает. Богу судьбы поклоняются политики и повара (те и другие иной раз заваривают кашу, сами не ведая, что у них получится).

Впрочем, тайно почитая Хотея, политики любят публично называть своим кумиром бога мудрости Дзюродзина. Это ученого вида старец с длиннейшей бородой и еще более длинным свитком знания в руке. Несмотря на преклонный возраст, Дзюродзин слывет любителем выпивки и женщин, без чего он попросту не считался бы мудрым. Философы, юристы, литераторы, как и упоминавшиеся уже политики, считают Дзюродзина своим покровителем.

Второй старец – бог долголетия Фуку-Року-Дзю (китайцы называют его Шоусин) отличается вытянутым в длину лысым черепом. Его неразлучные спутники – черепаха, журавль, олень. Бог долголетия отличается тихим нравом. Он

опекает шахматистов, а также часовщиков, антикваров и садовников – людей, чей труд имеет отношение к настоящему, прошедшему или будущему времени.

Бишамон – рослый воин с секирой, в шлеме и доспехах, на которых написано: «верность, долг, честь». Его особенно почитают люди в погонах и лекари, то есть защитники страны, а также стражи порядка и здоровья.

Единственная женщина на корабле – покровительница искусств Бентен с лютней в руках. Считается, что она не в меру ревнива к чужим талантам, к чужой славе, к чужим почитателям. Что, впрочем, везде присуще художественной интеллигенции.

Увидеть во сне семь богов удачи – заветная мечта у китайцев и японцев. Люди желают того, что ценят. А ценят то, что им изначально присуще. Выбор новогодних пожеланий наводит на раздумья о народной душе. Пожалуй, именно мой репортаж «Сосна, бамбук и слива», где я в 1963 году первым написал о двенадцати животных дальневосточного календаря, стал зародышем замысла создать психологический портрет зарубежного народа, который я потом осуществил в своих книгах «Ветка сакуры» и «Корни дуба».

В Китае и Японии, как странах с иероглифической письменностью, новогодние праздники дают повод украшать жилища изречениями древних философов и поэтов. В них часто упоминаются три ипостаси счастья в представлении дальневосточных народов. Это прежде всего «Фу» – благо-

получие в семье, «Лу» – удача за порогом дома, то есть успех в карьере, и, наконец, «Шоу» – долголетие, предполагающее крепкое здоровье.

А самое распространенное пожелание выражается четырьмя иероглифами: «Вань-Ши-Жу-И» («Пусть десять тысяч проблем решатся по вашему желанию»). Примечательно также, что излюбленным новогодним сувениром считается азиатский вариант Ваньки-встаньки. Это Бодхидхарма, который пришел из Индии в Китай проповедовать буддизм и неподвижно просидел в монастыре Шаолинь девять лет лицом к стене.

После столь длительной медитации патриарх, которого китайцы зовут Дамо, а японцы – Дарума, лишился рук и ног. Его символической фигурой стала голова с густыми индийскими бровями – как бы шар, олицетворяющий собой девиз Ваньки-встаньки: «Семь раз упасть и семь раз подняться». В этом, наверное, и состоит суть жизненной философии народов Дальнего Востока, которым вечно угрожают землетрясения и извержения, тайфуны и цунами.

Транспортный аврал

Иностранцу, попавшему в предновогодние дни в Китай, может показаться, что огромную страну охватила паника. Не тысячи, даже не сотни тысяч, а десятки миллионов людей целый месяц штурмуют билетные кассы всех видов транспорта, работающего в авральном режиме. Причина лихорадки – Новый год по лунному календарю.

Хотя в Китае он теперь официально переименован в Праздник весны (Чуньцзе), для миллиарда трехсот миллионов жителей Поднебесной именно эти две недели остаются порой новогодних праздников, которые каждая семья непременно должна встречать вместе, под одной крышей. Возвращаются в родные села полтораста миллионов сезонников, ежегодно отправляющихся на заработки в города. Едут на побывку домой сотни тысяч военнослужащих. Спешат к своим семьям десятки тысяч бродячих торговцев и ремесленников.

Но, прежде всего, традиция требует, чтобы на праздничный сезон непременно воссоединились супруги, которые по каким-то причинам были разлучены. Согласно укоренившимся у китайцев представлениям, в природе для всего есть своя пора. В двадцати четырех двухнедельных сезонах традиционного лунного календаря воплощен многовековой опыт поколений – это, по существу, оптимальный гра-

фик полевых работ, подсобных промыслов, а также народных праздников.

Издавна принято считать, что есть своя пора и для активной супружеской жизни: две недели Праздника весны, от первого новолуния до первого полнолуния. Стало быть, десятки миллионов людей устремляются к домашним очагам именно ради того, чтобы своевременно выполнить супружеский долг. Выходит, что если кто и следует библейскому завету: «Время обнимать и время уклоняться от объятий», так это китайцы.

Не следует понимать сказанное буквально. Современное поколение, особенно в городах, не признает сезонности в супружеских отношениях. Но инерция многовековых обычаев все-таки дает о себе знать. В сельской глубинке почти все дети рождаются одновременно, в сентябре – октябре. Стало быть, все они были зачаты на лунный Новый год. После же Праздника весны китайские супруги могут спокойно расстаться на несколько месяцев, а то и на год.

Тещина бутыль

В китайском фольклоре, на удивление для нас, начисто отсутствует тема тещи. Дочь после замужества становится членом другой семьи. Она переходит в полное подчинение свекрови и свекра. Своих же родителей видит лишь по праздникам пару раз в году. Не больше контактов у тещи и с зятем. Есть лишь одно исключение. Чтобы муж дочери выдержал двухнедельный марафон на Праздник весны, теща дарит ему бутыль с заспиртованной гадюкой, корнем женьшеня и ягодами дерезы. Такая настойка повышает мужскую силу.

Меня умилило, что тещина бутыль имеет полую пробку, которая вмещает хорошую стопку целебного зелья на опохмелку. Опорожнил бутылку – а утром опохмелился из пробки. О такой трогательной заботе наши зятья могут только мечтать.

Вместе со свекровью теща руководит приготовлением пельменей. Они пришли к китайцам и японцам, как и к нам, от кочевых степных народов еще во времена Чингисхана. Как и другие кушанья новогоднего стола, пельмени должны сообща лепить все члены семьи. Праздник весны воплощает ее единение. Неслучайно график школьных и студенческих каникул ежегодно смещается в соответствии с лунным календарем.

Всей семьей готовят и клейкие лепешки, которые полага-

ется класть на алтарь предков в Праздник фонарей, завершающий собой две новогодние недели. Они предназначены для духа очага. Данный персонаж, которого китайцы зовут Цзаошэн, играет в их новогодней мифологии такую же роль, как на Западе Дед Мороз или Санта-Клаус. После праздников Цзао шэн отправляется на небеса, дабы проинформировать души предков о том, как прожили очередной год их потомки.

Так вот, чтобы Цзаошэн не болтал лишнего, вся семья толчет в деревянных ступах клейкий рис и лепит из него лепешки, которые должны склеить духу рот. Кладут их и на праздничный стол. Традиционное лакомство порой оказывается роковым. Если поперхнуться липким кусочком такой лепешки, от удушья может спасти только экстренное хирургическое вмешательство. В Японии по этой причине ежегодно гибнет больше людей, чем любителей смертельно ядовитой рыбы фугу.

Оптимальное сочетание возрастов

О двенадцати календарных животных китайцы и японцы вспоминают чаще всего при выборе спутников жизни. Восточная медицина придает большое значение физиологической совместимости партнеров, которая во многом зависит от оптимального сочетания их возрастов. По традиционной на Дальнем Востоке формуле считается, что возраст мужчины нужно разделить пополам и прибавить восемь.

Двадцатилетнему мужчине лучше всего соответствует партнерша восемнадцати лет, тридцатилетнему – двадцати трех, сорокалетнему – двадцати восьми, пятидесятилетнему – тридцати трех лет. Признаюсь, что с некоторых пор эти вычисления как-то перестали меня радовать. Но оказалось, что после шестидесяти лет цифру восемь следует не прибавлять, а вычитать. И тогда мои сомнения в разумности формулы вновь рассеялись.

Китайские и японские геронтологи полагают, что поздние браки лучше слишком ранних. После родов в шестнадцать-восемнадцать лет женщина преждевременно старится. Тогда как впервые став матерью после тридцати, она не только в наибольшей степени ощущает эффект омоложения, но и дольше живет.

Восточная медицина считает секс, в том числе и в пожилом возрасте, путем к долголетию. Однако, допуская разни-

цу в годах, китайские и японские врачи делают существенную оговорку. Интимная связь пожилого мужчины с молодой женщиной (или наоборот) благотворна лишь при искреннем взаимном влечении обоих партнеров. Если же хотя бы один из них это чувство имитирует, то свой запас жизненной силы «ци» невосполнимо сокращают оба.

Хотя все страны Восточной Азии официально перешли на общепринятое григорианское летоисчисление, лунный Новый год отмечается там как традиционный народный праздник. Он всякий раз вводит в обиход имя одного из двенадцати календарных животных и пяти стихий.

Что же касается Китая, то там это событие, переименованное в Праздник весны, остается главным всенародным торжеством года. Это двухнедельная пора семейных встреч у домашнего очага, сезон активной супружеской жизни, когда для всех мужей и жен разом наступает «время обнимать».

Пьер Карден в сельском сарае

Повторю: мне посчастливилось начать свою журналистскую карьеру в Пекине 50-х годов. Я писал о романтике новостроек первой китайской пятилетки. Потом довелось быть очевидцем событий, перессоривших Хрущева и Мао Цзэдуна. А после смерти «великого кормчего» стать свидетелем и участником осторожных шагов, которые Москва и Пекин стали делать навстречу друг другу после четверти века трагической размолвки.

В 1984 году я вновь попал в Китай после 25-летнего отсутствия. Первым реальным примером провозглашенной Дэн Сяопином свободы предпринимательства для меня стали платные велосипедные стоянки возле пекинских вокзалов, автостанций, универмагов и кинотеатров. Их владельцами и управляющими стали пожилые домохозяйки. Ведь создать такое предприятие можно практически без первоначального капитала.

Другой сюрприз мне посчастливилось увидеть в хорошо знакомом мне западном пригороде Пекина. Это было село, оттуда мне когда-то доводилось писать о трудовых успехах народной коммуны имени китайско-советской дружбы. Теперь ее бывшие члены стали единоличниками, получили землю в пожизненное пользование. Но меня поразило, что многие крестьяне последовали лозунгу: «Уходить из земле-

делия, не покидая села».

Мне показали навес, под которым сидело более полусотни пожилых женщин. Они прилежно вязали что-то крючками из голубого мохера. Присмотревшись, я понял, что сарай был как бы сборочным цехом. Из соседней деревни были доставлены стопки рукавов, из другой – спинки. После того как приемщик тщательно проверил каждую деталь, их соединяли в свитера, пришивали ярлыки: «Пьер Карден. Ручная работа. Париж» и запечатывали в пластиковые пакеты.

Как мне пояснили, шерстяные нитки определенных цветов и лекала с разметкой количества петель в каждом ряду поставляет концерн французского кутюрье. Он же забирает весь заказанный ассортимент нужных ему моделей. Словом, экспортирует овеществленный труд, который обходится в семь-девять раз дешевле, чем во Франции. Причем приобщиться к подобному бизнесу, как и при создании в столице платных велосипедных стоянок, можно и без первоначального капитала.

Карденовские свитера ручной вязки производит одно из полутора миллионов возникших в Поднебесной поселковых предприятий. Малый бизнес на селе – новый, динамичный сектор экономики, который называют секретным оружием китайских реформ. Он не только создает крестьянам 150–200 миллионов новых рабочих мест, тем самым сокращая избыток рабочих рук на селе. Он позволяет превращать главное богатство Китая – трудовые ресурсы в реальные товары

и услуги.

Кроме свитеров Кардена, в той же коммуне на завезенных из соседнего завода станках штамповали фары для автомашин. Размещать производство несложных деталей в близлежащих селах крупным заводам оказалось выгоднее, чем строить новые цеха на дорогой городской земле.

Опыт Китая свидетельствует, что существуют модели экономической интеграции, формы производственного кооперирования, которые открывают возможности для возрождения обезлюдевших сел и малых городов. Вот одна из них.

В деревни, где остались одни старики и старухи, приезжают представители крупных птицеводческих концернов. Они предлагают престарелым парам выращивать то ли сто, то ли двести, то ли пятьсот цыплят. Когда контракт подписан, бригада рабочих монтирует стандартные клетки-навесы соответствующего размера. Новорожденных птенцов доставляют из инкубатора. Дважды в неделю привозят комбикорма и бутыли с чистой водой. А когда подрастут бройлеры, их забирают на птицефабрику для централизованной разделки.

Думаю, что опыт Китая может быть поучителен для наших «бесперспективных деревень» и малых городов, население которых сокращается из-за невозможности найти работу. Особенно для неполноценной или лишенной мобильности рабочей силы, например, для пожилых людей.

Тут нужна интеграция сельских предприятий с городскими. Это может быть оснащение городскими заводами сель-

ских цехов-филиалов, где руками местных жителей выполнялись бы трудоемкие, но технологически несложные операции, целеустремленное расширение возможностей для трудоустройства в малых городах и поселках путем развития малого бизнеса. Словом, превращение местной промышленности в важную составную часть сельской экономики.

Лицом к селу

Китай поражает мир темпами своего экономического роста. Зарубежных гостей восхищают небоскребы Пекина и Шанхая, автострады с многоуровневыми развязками, поезда на магнитной подушке. Но отнюдь не умаляя достижений Поднебесной за три десятилетия реформ, я как человек, объехавший Китай вдоль и поперек, знаю и другую сторону картины.

Мне доводилось бывать в селах, где доход на каждого жителя ниже пяти долларов в месяц, где вся домашняя утварь сделана людьми своими руками из дерева или глины. Так что после пожара в доме не остается ни кусочка металла, словно у наших доисторических предков.

В наши дни совершен кардинальный поворот пекинского руководства в сторону проблем села. До начала реформ в абсолютной бедности жил каждый четвертый китаец, то есть четверть миллиарда человек. Ныне таких уже не 25, а лишь 2 процента населения. Но в условиях Китая – это 24 миллиона человек, и, чем меньше остается заповедников нищеты, тем труднее до них добраться.

До недавних пор считалось, что на селе живет 900 миллионов китайцев, в городах – 400 миллионов. Но процесс индустриализации и урбанизации несколько изменил это соотношение. Теперь в официальных документах говорится, что

средний годовой доход 800 миллионов крестьян составляет около 600 долларов, а 500 миллионов горожан – 1800 долларов.

Этим трехкратным разрывом дело не ограничивается. Еще более значительна разница социальных условий жизни села, его отставание в таких областях, как образование, здравоохранение, транспортная и энергетическая инфраструктура.

Наконец архиважной и сложной для Поднебесной остается проблема продовольственной безопасности. Ведь Китай должен прокормить 22 процента человечества, имея лишь 7 процентов мировой пашни. Посевные площади составляют лишь 130 миллионов гектаров, или по 10 соток на душу населения. А ведь речь идет не о приусадебном участке, а обо всем пахотном клине.

Роспуск народных коммун в начале 80-х годов вызвал всплеск трудовой активности крестьян. Валовые сборы зерна за пять лет выросли с 300 до 400 миллионов тонн. Однако для следующего такого же рывка не хватило и двадцати лет. Урожаи топтались на месте. Лишь за последние годы они стали расти, перевалив за 500 миллионов тонн.

Поэтому Пекин пошел на небывалый шаг за 26 веков истории Поднебесной. Полностью отменен сельскохозяйственный налог. А ведь подати с хлеборобов традиционно служили главным источником пополнения казны. Именно для доставки их в столицу был некогда прорыт Великий китайский

канал.

Одна лишь отмена сельхозналога ежегодно увеличивает доходы крестьян примерно на 16 миллиардов долларов. Еще 4 миллиарда дают им льготы и субсидии для производителей зерновых, площадь под которыми достигла 105 миллионов гектаров. Гарантируются минимальные цены при закупке риса и пшеницы.

Госбюджет финансирует дорожное строительство на селе. Принята программа: к 2020 году проложить 300 тысяч километров сельских автомобильных дорог. Ассигнуются бюджетные средства на снабжение населенных пунктов в глубинке доброкачественной питьевой водой. Лишь за минувший год доступ к ней дополнительно получили еще 32 миллиона крестьян.

Бюджетные ассигнования на поддержку сельского хозяйства и улучшение социальных условий жизни на селе ежегодно превышают 50 миллиардов долларов. Почти две пятых этой суммы выделено на переход сельских школ к девятиклассному образованию. От этого выиграют все крестьянские семьи, насчитывающие 150 миллионов школьников.

Тридцать семь миллионов детей из бедных семей получат бесплатные учебники. Для 8 миллионов оплачиваются расходы в интернатах. Новое направление – создание профессионально-технических училищ. Свыше 18 миллионов подростков учатся на агрономов и ветеринаров, механизаторов и фельдшеров, дабы пополнить ряды сельской интеллиген-

ции.

В половине уездов страны при помощи государства создается новая система сельской кооперативной медицинской помощи. Она уже охватывает более половины крестьян. Началось осуществление программы «Радио и телевидение в каждой деревне». Активизируется деятельность сельских клубов, особенно в развитии физкультуры и спорта.

Проблемы роста

Пекинское руководство сделало термин «гармонизация» ключевым словом своего политического лексикона не только из-за расширяющегося разрыва между городом и селом. Ежегодный рост экономического потенциала на 10 процентов породил и серьезные трудности – экологические, энергетические, обострил проблему продовольственной безопасности.

По данным ООН, с 1980 года вредные выбросы в атмосферу Китая удвоились, а к 2020 году они могут увеличиться еще в несколько раз. Причин тут две. Из-за преобладания мелких и средних предприятий, расход энергии на единицу валового внутреннего продукта более чем вдвое превышает среднемировой показатель. К тому же, в энергетическом балансе страны доминирует самый «грязный» вид топлива – каменный уголь. Миллиард тонн его ежегодно сгорает лишь в тепловых электростанциях.

Доля угля в энергобалансе Поднебесной (75 процентов) вдвое больше, чем в других странах. Тогда как нефти, газа и особенно энергии ГЭС и АЭС используется гораздо меньше. В результате выбросы двуокиси серы – наиболее вредного загрязнителя атмосферы – в Китае в 70 раз больше, чем в Японии, и в 60 раз больше, чем в США.

Самой трудной задачей, пожалуй, является обеспечение

продовольственной безопасности. Ведь в Поднебесной приходится примерно по 10 соток пашни на человека. К тому же вследствие индустриализации и урбанизации даже этот клочок сжимается подобно шагреневой коже.

Хорошо хоть, что Китай вступил в XXI век, доведя производство мяса до 55 миллионов тонн и рыбы до 28 миллионов тонн. Стало быть, пятая часть человечества потребляет четверть общемирового объема этих богатых протеином продуктов, питается лучше среднестатистического жителя планеты.

Люди стали потреблять больше мяса, круглый год есть больше овощей и фруктов. Благодаря улучшению рациона каждому китайцу теперь требуется уже не по 400, а по 350 килограммов зерна на год. То есть для 1 миллиарда 300 миллионов жителей нужно 455 миллионов тонн зерна, а для полутора миллиардов (каким население станет в середине XXI века) – 525 миллионов тонн. Ну а увеличить сборы с нынешних 500 до 525 миллионов тонн – это уже вполне достижимая цель.

Так что ни экологические, ни энергетические, ни аграрные трудности не изменят главного: Китай неудержимо движется к мировому первенству. Нынешний поворот «лицом к деревне» демонстрирует решимость китайского руководства кардинально улучшить условия жизни 800 миллионов человек, составляющих сельское население Поднебесной.

Как китаист стал японистом

На вопрос, что привело меня в журналистику, я отвечаю: знание китайского языка, истории, философии и культуры этой страны. Руководство «Правды» проявило интерес к выпускнику Военного института иностранных языков Всеволоду Овчинникову именно потому, что в 1951 году газете требовался страновед, хорошо подготовленный для работы в Китае. Ну а элементарными журналистскими навыками можно было овладеть и в редакции.

Должен сказать, что на первом этапе своей карьеры я был поистине баловнем судьбы. Ведь любая тема, связанная с только что родившейся КНР, в 50 х годах считалась приоритетной. Среди зарубежных собкоров «Правды» я был не только самым молодым, но и чаще всех публиковался.

Не языковой барьер, а языковой мост

Атмосфера, в которой я начал свою работу в Пекине, была на редкость благоприятной. Крылатая фраза «Русский с китайцем братья навек» была тогда не только строкой из песни. Дружба соседних народов не сводилась к речам государственных деятелей и газетным передовицам. Она реально вошла в тысячи человеческих судеб.

О китайских студентах, которые просиживали выходные дни в читальных залах наших вузов, до сих пор ходят легенды. Да и наши специалисты возвращались с новостроек первой китайской пятилетки неизмеримо выросшими в профессиональном отношении. Ведь к ним постоянно обращались с вопросами, выходившими за рамки их прямых обязанностей, что побуждало углублять свои знания.

К тому же китайцы всячески поощряли своих наставников к новаторству, беря ответственность и риск на себя. Инженер Константин Силин, например, не только обеспечил успешное строительство первого в истории моста через Янцзы, но и впервые в мире использовал там принципиально новый, бескессонный метод возведения мостовых опор, который долго не решались применить в СССР.

Мне выпало счастье быть в гуще этих окрашенных романтикой событий. Возможность беседовать со мной один на один, без переводчика, придавала контактам с местными ру-

ководителями доверительный характер, побуждала их относиться ко мне не как к иностранцу, а «как к своему».

Если большинству моих западных коллег в Пекине мешал языковой барьер, мне, наоборот, помогал языковой мост. Достаточно было процитировать какого-нибудь древнего поэта или прочесть иероглифическую надпись, чтобы разом вызвать к себе симпатию собеседника. Знание китайской грамоты, а тем более китайской старины – лучший ключ к сердцу жителя Поднебесной.

Словом, поначалу судьба меня изрядно избаловала. Зато, вернувшись на Родину после размолвки между Мао Цзэдуном и Хрущевым, я оказался словно у разбитого корыта. Поскольку китайская тематика утратила былую привлекательность, решил переквалифицироваться в японисты. Используя свой авторитет востоковеда, убедил начальство, будто китайский язык отличается от японского не больше, чем белорусский от русского. Иероглифы, мол, те же самые, и наши восточные соседи без труда понимают друг друга.

Мне наняли преподавателя, чтобы четыре часа в неделю брать уроки японского языка. В институте мы еженедельно занимались им по восемнадцать часов. К тому же было мне тогда за двадцать, а отнюдь не за тридцать лет. Так что быстро овладеть вторым восточным языком было нереально. Но меньше чем через два года после возвращения из Китая я был направлен на постоянную работу в Японию.

Первый год работы в Токио был самым трудным в моей

жизни. Сложнее всего было сломать отношение ко мне как к чужаку-дилетанту. Но китайский язык – это латынь Восточной Азии. Так что знания древнекитайской философии и литературы позволяли мне блеснуть перед японцами там, где многие наши японисты мне уступали.

Я нашел свой собственный подход к освещению Страны восходящего солнца. Задался целью найти скрытые пружины послевоенного экономического чуда в особенностях японского менталитета, человеческих отношений в этой малопонятной для иностранцев стране. Это подвело меня к мысли написать своего рода путеводитель по японской душе, каковым стала книга «Ветка сакуры».

Две большие разницы

Пытаясь описать японский национальный характер, я сравнивал его с китайским. И тут пришлось чаще противопоставлять, чем сопоставлять. Потратив пять лет на изучение страны и языка, а потом проработав семь лет в Поднебесной, я признаться, ошибочно полагал, что китайцы и японцы некие близнецы-братья (и по цвету кожи, и по разрезу глаз, наконец, по общей иероглифической письменности). Но жизнь заставила убедиться, что наши дальневосточные соседи являют собой, как говорят одесситы, «две большие разницы».

Несколько утрируя, скажу, что китайцы – это немцы Азии. В своем поведении они руководствуются логикой и рассудком. Японцы же в этом смысле – русские Азии. Они, как и мы, живут не умом, а сердцем. У них превалирует эмоция и интуиция. Коренится же этот контраст в отношении к природе, то есть к естественному, и к тому, что создано человеческими руками – к искусственному.

На взгляд китайцев, человек как творец – властелин, а материал – его раб. Японский же мастер не навязывает материалу свою волю, а помогает раскрыть его первородную суть. Наглядный пример – национальная кухня. В Китае это некая алхимия, умение творить неведомое из невиданного. В Японии же это искусство создавать натюрморты на тарел-

ке. В отличие от геометрически расчерченного Пекина, хаотичный Токио вырос, «как растет лес». Японские градостроители, подобно местным садовникам, лишь подправляли то, что появилось само собой.

Но главный материал – человек. По мнению китайцев, личность можно и нужно лепить заново. Конфуцианство требует от человека постоянного совершенствования. Об этом напоминают флюгеры в виде карпов, вьющиеся над домами, где есть мальчики. Плыть против течения, стремиться вперед и выше – вот суть мужского характера, воплощенная в этой поэтической метафоре. Японцы же считают для себя примером сплавщика на плоту. Главное – найти стремнину реки и плыть по течению, лишь при необходимости отталкиваясь от берегов. Можно сказать, что китайцам религию заменяет этика (нормы взаимоотношений между людьми), японцам же – эстетика (культ природы, любование весенней сакурой, багрянцем осенних кленов, другие формы совместного обучения красоте). Однако обоим народам присуща склонность к самоконтролю и предписанному поведению.

Как у китайцев, так и у японцев идет постоянный поиск консенсуса, согласия на основе взаимных уступок. Те и другие ставят общие интересы выше личной выгоды. Их религиозная терпимость распространяется и на мирскую жизнь. Обоим народам присуще представление об истине как о горной вершине, к которой ведет множество путей, и каждый

вправе выбрать любой из них. Как знать, может быть, именно это когда-нибудь станет благоприятной предпосылкой для создания подлинно многопартийной системы как в Стране восходящего солнца, так и в Поднебесной.

Не рисом единым

Проблема продовольственной безопасности

Японская общественность бьет тревогу. Страна восходящего солнца ныне производит лишь 39 процентов необходимого ей продовольствия. Об этой ошеломившей всех цифре заговорили после перехода к принятому в международной практике методу: сопоставлять отечественные и импортные продукты питания, которые потребляет страна, не по стоимости, а по количеству калорий.

В 60-х годах, когда я работал в Токио, аналогичный показатель составлял почти 80 процентов. К 1989 году он снизился до 50, а теперь впервые упал ниже 40 процентов. По уровню продовольственной безопасности Япония оказалась в хвосте списка развитых стран. (К примеру: Австралия – 237 процентов, Канада – 145, США – 128, Франция – 122, Германия – 91, Англия – 74, Швейцария – 49, Южная Корея – 49 процентов.)

Для страны-архипелага, окруженной морями, проблема продовольственной безопасности имеет жизненно важное значение. Поэтому японское правительство сформулирова-

ло стратегическую цель: к 2015 году поднять уровень самообеспеченности продуктами питания до 45 процентов, а к 2020 году – до 50 процентов.

Нынешняя чрезвычайная ситуация стала результатом двух послевоенных процессов. Негативным побочным последствием бурной индустриализации и урбанизации стали обезлюдевшие деревни. Сначала из сел в города устремились девушки, чтобы скопить себе на приданое.

Как мне говорил когда-то основатель фирмы «Сони» Масару Ибука, именно руки молодых крестьянок прославили Японию как «царство транзисторов». Потом на металлургические и автомобильные заводы хлынул поток бывших земледельцев. Ныне крестьянским трудом занято только 5 процентов рабочей силы, а сельское хозяйство дает лишь около полутора процентов валового внутреннего продукта страны.

К тому же традиционный рацион японцев за полвека кардинально изменился. После войны основу питания составляли рис, овощи, рыба. За последние полвека потребление мяса увеличилось в девять раз, жиров – в пять раз. В рационе появились молоко, заморские фрукты и свежемороженые овощи. При этом потребление риса, который всегда играл главную роль в самообеспеченности продовольствием, сократилось вдвое: с 126 до 67 килограммов на человека в год.

Занятие дедушек и бабушек

Снижение роли сельского хозяйства в экономике – общемировое явление. Однако японцы воспринимают эту тенденцию особенно болезненно. Ибо они с незапамятных времен привыкли следовать завету предков: земледелие – основа государства. Сам император почитается первым пахарем и собственноручно засевает крохотное рисовое поле возле своего дворца. При феодализме крестьяне были «вторым сословием». Выше них в обществе стояли только воины (самураи). Тогда как ремесленники, торговцы и ростовщики, независимо от их достатка, считались более низким, «третьим сословием».

Традиционно уважительное отношение к труду земледельца, и прежде всего рисовода, неслучайно. Как говорят японцы, «рис – всему голова». Он с незапамятных времен был не только основой рациона, но и ключевым фактором формирования национального характера. Японская цивилизация практически не знала ни охоты, ни скотоводства. Ее исток – поливное земледелие, выращивание риса на склонах холмов, превращенных в уступчатые террасы.

Создать и поддерживать в порядке такую систему орошения одной семье не под силу. Для этого нужен совместный труд сельской общины. Присущий жителям Страны восходящего солнца дух коллективизма, готовность ставить общее

благо выше личной выгоды, верность группе, с которой начата трудовая жизнь – все эти черты национального характера, ярко проявившиеся в годы послевоенного экономического чуда, коренятся именно в рисоводстве.

С превращением Японии в экономическую сверхдержаву судьба «второго сословия» оказалась под угрозой. Поредевшее после войны сельское население с 60 х годов сократилось еще в четыре с лишним раза: с 13 до 3 миллионов семей. Половине из них больше 65 лет. Как с горечью и тревогой говорят в народе, «земледелие стало занятием дедушек и бабушек». Посевные площади за последние полвека уменьшились почти вдвое. Сотни тысяч гектаров пашни заброшены.

И тем не менее седовласые японские земледельцы вправе гордиться результатами своего труда. Им удалось надолго стабилизировать сборы риса на уровне 10 миллионов тонн.

Три миллиона мелких хозяйств не только полностью обеспечивают 127 миллионов жителей страны главной продовольственной культурой – рисом, но и производят примерно две трети потребляемых народом овощей, мяса, молока, яиц. А валовая продукция японского сельского хозяйства (упомянутые выше полтора процента ВВП страны) в абсолютных цифрах составляет 70–80 миллиардов долларов, что говорит об эффективности труда крестьян.

После поражения в войне Япония лишилась колоний – Кореи и Тайваня, которые служили рисовыми житницами империи. Оккупационные власти начали приучать японцев

к американской пшенице (начиная с бесплатных булочек в школьных завтраках). Так в традиционный рацион вклинился хлеб. И теперь приходится ежегодно импортировать по 5 миллионов тонн пшеницы, а для нужд животноводства и птицеводства еще ввозить на фураж около 20 миллионов тонн кукурузы и сои.

Государственная поддержка земледельцев

По урожайности риса (65 центнеров с гектара) Япония занимает третье место в мире. Но по его себестоимости не может конкурировать с крупным, поставленным на промышленную основу зерновым производством американских, австралийских или канадских фермеров. Зарубежные эксперты не раз советовали японцам учесть ограниченность посевных площадей Страны восходящего солнца.

Земельные наделы большинства крестьян там немногим превышают полтора гектара. Тогда как на фермера в США приходится в среднем 178 гектаров, в Англии – 68, в Германии – 36. Поэтому, мол, японцам целесообразно перейти от риса к более доходным культурам. Скажем, по примеру Израиля, выращивать под пленкой дыни, клубнику или киви. А зерно закупать по более низким ценам на мировом рынке.

Однако в данном вопросе Токио руководствуется не коммерческой выгодой, а интересами продовольственной безопасности. Правительство контрактует весь урожай по рентабельной для крестьян цене, а затем продает рис отечественным потребителям в два-три раза дешевле, чем за него было заплачено. При этом исключаются какие-либо посредники или перекупщики, так что предназначенная рисоводам государственная поддержка достается именно им.

Власти исходят из того, что производство основной продовольственной культуры нельзя прекращать и возобновлять, словно поворотом крана. Если разорится последнее поколение рисоводов, Страна восходящего солнца в случае международного кризиса и морской блокады уже не сможет прокормить себя.

Чем же объяснить, что показатель самообеспеченности продовольствием, который в памятных мне 60-х годах составлял почти 80 процентов, ныне упал до 39 процентов? Как уже упоминалось, вдвое сократилось потребление риса, который был главным звеном продовольственной безопасности Японии.

Другая причина – распространение импортных мясных полуфабрикатов, а также ингредиентов для блюд «быстрого питания». Если бы японцы больше полагались на свежее отечественное мясо, было бы лучше и для самообеспеченности продовольствием, и для здоровья нации. Жителям Страны восходящего солнца были практически неведомы сердечно-сосудистые заболевания. Они считали холестериновые бляшки уделом богатых иностранцев. И вот оказалась, что в то время, когда в Северной Америке и Западной Европе смертность от гипертонии и ишемии с 60-х годов сократилась вдвое, в Японии и других государствах Восточной Азии она возросла.

Из 47 японских префектур «краем долгожителей» издавна считалась Окинава. Ее жители традиционно потребля-

ют особенно много морепродуктов. После войны именно на этом острове, где сосредоточена львиная доля американских военных баз, был открыт первый в стране «Макдональдс». Ныне там уже 44 таких комбината. И островитяне потребляют почти столько же животных жиров, сколько и американцы.

В результате Окинава переместилась с первого на тридцатое место по средней продолжительности жизни. Люди стали там чаще умирать от сердечнососудистых заболеваний. Жирные гамбургеры оказались особенно вредны народу, создавшему самую изысканную, поистине лечебную кухню. Особенно падка на зарубежную моду молодежь. Но нации традиционно присуща склонность к «реяпонизации рациона» в зрелом возрасте. И теперь правительство всячески стремится развивать эту черту.

Всемирная торговая организация неустанно и бесплодно критикует власти Токио за субсидирование производства продовольствия. Однако японский опыт энергичной государственной поддержки отечественного земледелия, на мой взгляд, поучителен для России.

«Мастерская мира» станет «мировой лабораторией»

Китай продолжает поражать мир стремительностью своего экономического взлета. По доле в мировой торговле Поднебесная опередила Страну восходящего солнца, которая в 60–80-х годах совершила экономическое чудо, заполонив весь мир своими автомашинами и телевизорами.

Мировая общественность не без основания именует ныне Китай «мастерской мира». Это звание когда-то первой заслужила Англия после промышленной революции XVIII века. Текстильные фабрики Манчестера сделали тогда сюртук из аглицкого сукна заветной мечтой любого состоятельного человека.

Благоприятный инвестиционный климат, обеспечивший приток сотен миллиардов долларов в созданные на побережье особые экономические зоны, плюс дешевая и добросовестная рабочая сила, способная безупречно работать на современном оборудовании и по новым технологиям, – вот формула успеха Поднебесной, превзошедшей в наши дни достижения воспетой Диккенсом Британии, а также послевоенной Японии.

Теперь пекинское руководство поставило новую цель: совершить еще один прорыв, уже не количественный, а каче-

ственный. Превратить «мастерскую мира» в «мировую лабораторию». В страну, которая не заимствовала бы чужие технологии, а сама создавала их заново, превратилась бы в равноправного участника научно-технического прогресса.

Итак, XXI век поставил перед Китаем, как и перед Россией, задачу – перейти к «экономике знаний», превратиться в инновационную державу. И тут оказалось, что древние конфуцианские традиции дают в наши дни важные преимущества. В китайском народе издавна укоренился культ учености, представление о том, что только образование способно повысить положение человека в обществе, то есть служить каналом социальной мобильности.

К разговорам о превращении Китая в «мировую лабораторию» российский обыватель порой относится скептически. Он привык судить о китайском экспорте по второсортному ширпотребу, который привозят к нам челноки. И микроволновку с маркой «Сделано в КНР» купит в последнюю очередь. Однако уже третье поколение американцев с детства привыкло носить только добротную и недорогую школьную форму, сделанную на китайских фабриках. Она имеет в США такую же добрую репутацию, как у нас в 50-х годах китайские шерстяные свитеры с маркой «Дружба».

Став «мастерской мира», Китай продает в Соединенные Штаты на порядок больше товаров, чем в Россию. Еще важнее, что по структуре своего экспорта он не уступает самым развитым и богатым странам. КНР, к примеру, ввозит

в США больше наукоемких, высокотехнологичных товаров, чем туда поступает из государств Европейского союза.

Свыше 300 миллиардов долларов в китайском экспорте составляют интегральные схемы, компьютеры, цифровые камеры, мобильные телефоны и их компоненты. Однако лишь 15–20 процентов добавленной стоимости этих товаров причитается китайским предпринимателям. Остальное идет в уплату зарубежным владельцам патентов и лицензий.

Сделанные в Поднебесной наукоемкие, высокотехнологичные товары конкурентоспособны, ибо качественны и дешевы. Но они, строго говоря, на четыре пятых не китайские. Способен ли Китай превратиться из имитатора в создателя ноу-хау?

Поднебесная уже была авангардом прогресса

Уместно вспомнить, что вплоть до XV века именно Китай шел в авангарде научно-технического прогресса. Все знают «четыре великих изобретения», которыми он обогатил человечество. Это компас и порох, бумага и книгопечатание. Европейские путешественники дивились тому, что все жители Поднебесной – от князя до пахаря – «не касаются пищи руками, а пользуются при еде специальными палочками». Да и предметы личной гигиены, от зубной щетки до туалетной бумаги, у китайцев вошли в обиход на пять-семь столетий раньше, чем у европейцев.

В конце XI века, когда европейцы следили за временем только по солнцу, китайский мастер Су Сун создал механические водяные часы. Они ошибались не больше, чем на пару минут в сутки. Струя воды из пополняемого бачка вращала колесики с блюдцами и приводила в движение сложный механизм. Каждые четверть часа раздавался удар барабана, каждые два часа – бой колокола. Меняла свое положение и имитация небесной сферы с солнцем, луной и планетами.

Вплоть до XV века Китай опережал Европу по металлургии, судостроению, машинам для переработки хлопка, джута и шелка. Но если промышленная революция в Англии XVIII века дала толчок научно-техническому прогрессу в Европе,

то Китай с XV века как бы утратил стимул для движения вперед. Срединное царство за Великой стеной процветало, не имея соперников. Его приоритетами стали стабильность, а не развитие, преемственность, а не обновление.

Китай продавал в Европу все больше чая и шелка. Но не проявлял интереса к «аглицким сукнам», которые пользовались популярностью во всех столицах. Когда же посол королевы Виктории выразил по этому поводу свое недоумение, император Цяньлун ответил, что Поднебесная сама производит все, в чем нуждаются ее жители.

Постоянно растущая утечка серебра из Лондона в Пекин беспокоила англичан и побудила их выращивать в Индии опиум, дабы контрабандой сбывать его китайцам. Наркомания стала распространяться по Поднебесной, как степной пожар. А когда губернатор одной из южных провинций повелел сжечь 25 тысяч ящиков конфискованного зелья, британская эскадра обстреляла портовые города Китая. Так началась первая из опиумных войн, которые в XIX веке превратили Срединное царство в полуколонию.

Современному Китаю, который, словно пробудившись от сна, рвется к мировому лидерству, не приходится выбирать: стабильность или прогресс? В странах, борющихся с бедностью и отсталостью, социальный мир невозможен без экономического взлета. А экономика нынче может развиваться лишь на основе научно-технического прогресса. Чтобы «мастерская мира» превратилась в «мировую лабораторию»,

нужно увеличить инновационную составляющую роста, самостоятельно создавать интеллектуальную собственность.

До начала реформ Китай тратил на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) менее 1 процента валового внутреннего продукта. К 2020 году вложения в научно-технический прогресс увеличатся до 2,5 процента ВВП, который к тому времени может составить 6 триллионов долларов.

Пиратство – это бумеранг

Перспективная программа создания «экономики знаний» ставит целью сократить зависимость Китая от иностранных технологий с 80 до 30 процентов. Стимулировать инновации можно лишь на основе эффективной защиты интеллектуальной собственности. А великие имитаторы из Поднебесной за годы реформ пристрастились к пиратству. Они мастерски подделывают не только древние бронзовые курильницы эпохи Чжоу, но и модные швейцарские часы «Ролекс», японские цифровые камеры «Никон».

Пиратство, от которого прежде страдали иностранцы, как бумеранг, начинает бить и по китайцам. Так что требуется коренное перевоспитание отечественных предпринимателей.

Инновационной экономике нужны новые кадры. Как уже упоминалось, конфуцианский культ учености способствует их подготовке. Китайские вузы уже сейчас выпускают вчетверо больше инженеров, нежели американские.

Ведущие транснациональные корпорации начали создавать свои научно-технические центры не только в странах «Большой восьмерки», но и в Китае. Там уже действуют 750 таких центров, и по их числу Поднебесная уступает лишь Соединенным Штатам и Великобритании. Известная фирма «Нокиа» сосредоточила 40 процентов всех опытно-кон-

структорских разработок по сотовым телефонам в своем научно-техническом центре в Пекине.

Китайская фирма «Хуавэй» занимает шестое место в мире по производству сотовых телефонов. Она ежегодно продает их почти на 10 миллиардов долларов. Примечательно, что десятую часть этой суммы и почти половину своей рабочей силы корпорация нацелила ныне на научные исследования и опытно-конструкторские разработки.

Вузовская наука в Чжунгуаньцуне

Китайские аналоги американской «кремниевой долины» – это прежде всего Шэньчжэнь, выросший из рыбачьего поселка по соседству с Гонконгом. Это шанхайский район Пудун, который называют городом XXI века. И, наконец, Чжунгуань-цунь – «зона содействия развитию высоких и новых технологий» в северо-западном университетском предместье Пекина.

В 1992–1996 годах я неожиданно для себя оказался тамошним жителем. Иностранцев, работавших в агентстве «Синьхуа», размещали в гостиничном комплексе «Дружба», некогда построенном для советских специалистов. Там-то мне и довелось познакомиться с первыми «возвращенцами», подключившими вузовскую науку к делу превращения Китая в инновационную державу.

Нужно пояснить, что с первых лет реформ китайские власти ежегодно направляют тысячи молодых людей в зарубежные вузы и очень спокойно реагируют на то, что лучшим из них предлагают остаться работать в США, Европе или Японии. Такой поступок не влечет исключение из комсомола, не ставит пятно на репутацию родственников. «Мы гордимся успехами соотечественников и надеемся, что в свое время они вернутся на родину не просто как обладатели дипломов, а как сложившиеся специалисты».

Такое официальное заключение часто подтверждается. Лет через десять-пятнадцать многие «невозвращенцы» чувствуют, что достигли потолка в зарубежной карьере, и выражают желание продолжать свои научные исследования на родине. Поисками места для этого занимаются специально созданные агентства.

Они, конечно, не могут предложить китайскому репатрианту 60 тысяч долларов в год, которые тот получал в США. Но по паритету покупательной способности это соответствует 12 тысячам долларов. А ежемесячно получать в Пекине по тысяче долларов, или по 7–8 тысяч юаней, не так уж плохо (жил ведь я там четыре года на две тысячи юаней). Словом, появившиеся в университетском предместье столицы «возвращенцы» дали толчок развитию вузовской науки.

К примеру, пекинец Цзин Чэн, занимавшийся биотехнологиями в Калифорнии, создал при своей альма-матер – университете Цинхуа фирму «КапиталБио».

Правительство заказало ей аппаратуру, способную выявлять у спортсменов наличие запрещенных допингов (стероидов). Госзаказ был выполнен. Фирма не только обеспечила нужды Оргкомитета Олимпиады-2008, но и успешно экспортирует лучшие в мире лазерные сканеры на биочипах для тестирования спортсменов. Китайцы в шутку называют это своим первым олимпийским рекордом. А если серьезно – налицо наглядный шаг к тому, чтобы стать родиной собственных высоких технологий.

ЖКХ – генератор роста

Мы привыкли считать жилищно-коммунальное хозяйство неким больным местом, помехой для развития экономики и улучшения жизни людей. Однако автор популярной в Восточной Азии концепции «просвещенного авторитаризма» Ли Куан Ю на примере основанного им в 1965 году города-государства Сингапур доказал, что ЖКХ может служить не тормозом, а генератором роста.

Судите сами. Островная республика по площади вдвое, а по населению втрое меньше Москвы, не имеющая каких-либо природных ресурсов, вынужденная ввозить даже воду, ежегодно экспортирует больше товаров, чем Россия. За сорок пять лет независимости Сингапура его валовый внутренний продукт на душу населения увеличился в пятьдесят раз. По этому показателю город-государство уступает лишь Соединенным Штатам, Японии и Германии.

Сингапур возник как «азиатский Гибралтар». Он был типичным колониальным портом, который жил на доходы от британской военно-морской базы. Однако традиционная роль форпоста империи исчерпала себя как раз в годы обретения независимости. Англичане свернули свое военное присутствие «к востоку от Суэца». Мини-государство, не наделенное природой ничем, кроме выгодного географического положения на стыке Индийского и Тихого океанов, долж-

но было определить собственную стратегию развития. Бессменно возглавляя правительство с 1965 до 1990 года, Ли Куан Ю обеспечил Сингапуру не только выживание, но и процветание. Прежде всего тем, что разработал и успешно применил уникальный механизм мобилизации внутренних накоплений.

Сингапурское экономическое чудо – результат успешного осуществления своеобразной модели жилищно-коммунальной реформы. За сорок пять лет независимости более 90 процентов сингапурцев переселились в построенные государством многоквартирные жилые дома. А строительный бум стал локомотивом, который позволил экономике Сингапура набрать стремительные темпы роста.

«Азиатский Гибралтар» стал страной новоселов

Как только Сингапур стал независимым, там появилось Управление жилищно-коммунального хозяйства (УЖКХ). В наши дни дом для сингапурца – это просторная современная квартира со всеми удобствами в многоэтажном жилом массиве, который построен государством на государственной земле. Поскольку плотность населения приближается к пяти тысячам человек на квадратный километр, Ли Куан Ю сделал упор на высотную застройку, на комплексные микрорайоны в 20–25 этажей.

За время своего существования УЖКХ построило около миллиона квартир. Как же удается правительству Сингапура финансировать столь впечатляющую строительную программу? И как можно было сделать государственные квартиры настолько доступными по цене, что большинство новоселов смогло выкупить их в личную собственность?

Ключом к решению обеих этих проблем служит любимое детище Ли Куан Ю: центральный фонд сбережений (ЦФС). Каждый сингапурец обязан ежемесячно отчислять туда 20 процентов своего заработка. Столько же переводит на его счет работодатель. Так что эти взносы составляют сумму, равную 40 процентам фонда заработной платы.

Сбережения в ЦФС не облагаются налогом, в инвестици-

онном банке на них начисляются проценты. Достигнув пенсионного возраста, сингапурец получает всю эту сумму на руки. Но еще раньше этого он вправе использовать три четверти сбережений в ЦФС, дабы приобрести квартиру, а четверть – чтобы при необходимости оплатить лечение в больнице.

Льготами государственной программы жилищного строительства вправе пользоваться только граждане Сингапура. Чтобы получить квартиру, достаточно накопить в ЦФС 20 процентов ее стоимости, а остальное можно внести в рассрочку. Дабы ускорить покупку жилья, родители и дети, братья и сестры могут объединять средства, которые они накопили в ЦФС. Если через пять лет после въезда построенная государством квартира полностью оплачена, ее можно продать по рыночной цене без всяких ограничений.

Имея в штате всего 12 тысяч человек, Управление жилищно-коммунального хозяйства справляется с огромным объемом работ по строительству и эксплуатации потому, что распределяет на открытых торгах подряды на все виды коммунального обслуживания, включая водоснабжение, канализацию, вывоз мусора, стрижку газонов, содержание автостоянок. Оно сохраняет в своих руках лишь эксплуатацию лифтов, чтобы обеспечить их бесперебойную безопасную работу в многоэтажных домах.

Благодаря ЦФС Сингапур стал страной с самой высокой в мире долей сбережений. Она составляет почти полови-

ну валового внутреннего продукта. Эти средства позволяют не только вести жилищное строительство, но и финансировать здравоохранение, социальное обеспечение. Такой метод во многих отношениях лучше, нежели покрывать подобные расходы из бюджета.

Масштабность государственной жилищной программы сделала строительную индустрию генератором экономического развития Сингапура. Именно возведение многоэтажных жилых массивов позволило потом частным строительным фирмам включиться в «гостиничный бум». Благодаря этому Сингапур может с комфортом принимать почти 7 миллионов туристов в год, что вдвое превышает население города-государства.

Ключ в XXI век

Соотечественники чтут Ли Куан Ю не только за то, что он сделал Сингапур «страной новоселов», но и за то, что он стал инициатором «ИТ-плана», который называют ключом в XXI век. Принятый еще в 80-х годах «ИТ-план» – это государственная программа развития информационных технологий для комплексной компьютеризации Сингапура.

В первые годы независимости Ли Куан Ю считал главной задачей обеспечить жизнеспособность города-государства, уменьшить его уязвимость от внешних факторов путем создания импортозаменяющих отраслей. На втором этапе приоритетом стало развитие производств, ориентированных на экспорт. Тут Сингапур широко заимствовал опыт послевоенной Японии. Была сделана ставка на приобретение лицензий и патентов, чтобы сочетать передовые технологии с грамотной и дешевой рабочей силой.

Вскоре, однако, этот путь себя исчерпал. Все сильнее стала сказываться конкуренция не только с Японией, но и с Южной Кореей, Тайванем, другими государствами Восточной Азии, включая Китай.

И тогда Ли Куан Ю осуществил принудительное повышение минимальной зарплаты, дабы разорить владельцев трудоемких производств и сделать упор на высокотехнологичную, наукоемкую продукцию. Страна была поставлена перед

необходимостью осуществить прорыв в век информатики.

«ИТ-план» предусматривал решение трех стратегических задач. Во-первых, путем массированных инвестиций в систему образования сделать Сингапур страной поголовной компьютерной грамотности. Во-вторых, осуществить компьютеризацию государственного аппарата и тем самым подать пример частному сектору. В-третьих, создать конкурентоспособную промышленность по производству компьютерной техники.

Результаты сделанного налицо. По обороту контейнеров морской порт Сингапура лидирует в мире. Его электронно-вычислительный центр выбирает для каждой операции оптимальный вариант. Сведена воедино обработка всех документов, связанных с внешней торговлей. Благодаря широкому использованию информационных технологий авиакомпания «Сингапур эрлайнс» и аэропорт Чанги также завоевали мировое первенство.

В области здравоохранения действует система «Мединет», охватывающая как государственный, так и частный сектор. Это не только упрощает расчеты, но и позволяет использовать банк данных о сингапурцах в медицинских целях. Если человеку на улице стало плохо, врач «Скорой помощи» мгновенно узнает по личному номеру о группе крови больного, об аллергии к каким-то лекарствам и о других противопоказаниях.

Плоды «ИТ-плана» особенно очевидны на примере мел-

ких и средних фирм, каковых в Сингапуре большинство. Национальное компьютерное управление не дожидается, пока частный предприниматель обратится к нему за помощью. Оно само предлагает провести обследование, чтобы выяснить, какие выгоды сулит в данном бизнесе применение информационных технологий.

Если после такой бесплатной экспертизы фирма принимает решение о модернизации, ей предоставляется льготный кредит на закупку оборудования, субсидия для приглашения консультанта. Так вслед за государственными учреждениями Сингапура в век информатики вступил и частный сектор, что, несомненно, повысило его конкурентоспособность.

Дисциплина «просвещенного авторитаризма»

Сингапур, расположенный на стыке Тихого и Индийского океанов, иногда называют западными воротами Востока и восточными воротами Запада. Его продувают сквозняки различных влияний, что всегда беспокоило основателя Ли Куана Ю. Пожалуй, именно в духовной или, как мы привыкли говорить, в идеологической области его «просвещенный авторитаризм» часто вызывает критику на Западе. Там сетуют, будто сингапурцы живут в золотой клетке, что им слишком многое запрещают, нарушая права человека.

Сингапур действительно представляет собой однопартийную систему, где партия Народного действия неизменно доминирует в политической жизни, а несколько депутатов парламента от оппозиционных партий не меняют сути картины. Но в западных столицах критикуют не столько политическую систему, сколько жесткие меры, которыми Ли Куан Ю поддерживает высокую нравственную и общественную дисциплину.

Наркоторговцы предпочитают объезжать Сингапур стороной. Смертные приговоры за их деятельность приводятся там в исполнение немедленно. Попасть за решетку можно также за пропаганду насилия и порнографии. Из иностранных фильмов, которые демонстрируются по телевидению,

изымаются постельные сцены, стрельба, драки – словом, любое насилие и секс.

Реклама табачных изделий и алкогольных напитков запрещена не только на телевидении, но и в печати. За любое нарушение правил уличного движения или общественного порядка, например, за не пристегнутый ремень безопасности, за попытку перейти улицу на красный свет, даже если перекресток пуст, за брошенный на тротуар окурок берут штраф в 200 долларов. Строгость наказания ведет к тому, что налагать его почти не приходится.

Один американский студент, приехавший туристом, написал фломастером на стене ругательное слово. Его отдали под суд и приговорили к десяти ударам розгами. Америка встала на дыбы: неужели гражданина США подвергнут столь унизительному наказанию? Но парня все же публично выпороли. Зато желающих оставлять автографы на сингапурских стенах среди 7 миллионов ежегодных туристов больше нет.

«Просвещенный авторитаризм», то есть твердая рука государства в период модернизации и структурной перестройки экономики, адаптации общества к рыночным отношениям, проявил себя в Японии, в Южной Корее, на Тайване, а также после начала реформ в Китае. Причем повсюду он опирался на сходные принципы: общие интересы должны стоять выше личной выгоды, компромисс лучше, чем соперничество, общее согласие ценнее, чем плюрализм мнений.

Хотя наши либералы вряд ли согласятся с этим, на мой

взгляд, русской душе ближе эти восточные нравственные ориентиры, нежели присущий Западу культ индивидуализма и конкуренции. Во всяком случае, «просвещенный авторитаризм» привел к благосостоянию уже не один народ Восточной Азии.

Царство долгожителей

Когда-то начало XX столетия было названо Серебряным веком. Но еще больше оснований называться так имеют первые годы XXI столетия. Только если прежняя метафора отражала новые тенденции в искусстве, то нынешняя связана с демографией.

Население планеты стареет. Всего за полвека число людей старше шестидесяти пяти лет увеличилось более чем втрое. Если в развивающихся странах дети до пятнадцати лет составляют примерно половину населения, а пожилые люди вышеупомянутого возраста – менее десятой части, то в индустриальных странах соотношение кардинально иное.

Вторая жизнь

Это наглядно видно на примере Японии. В 60-х годах, когда я работал в Токио, дети до 15 лет составляли там 36 процентов населения. Ныне же их доля сократилась до 13 процентов. Тогда как люди старше 65 лет составляют 20 процентов жителей. А к 2050 году в данную категорию войдет каждый третий.

С другой стороны, японцев трудоспособного возраста (15–65 лет) к середине века будет на 32 миллиона меньше, чем теперь. То есть не две трети, а всего одна треть населения. Такое изменение демографической структуры создаст непосильную нагрузку для системы социального обеспечения. Ведь одно дело – когда на каждого пенсионера приходится четверо работающих, и иное – когда лишь двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.